

© 2023 г. А.Н. АРДАШНИКОВА, Т.А. КОНЯШКИНА

«СТАНОВЯСЬ ВИДИМЫМИ»: ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО СОВРЕМЕННОГО ИРАНА В ФОКУСЕ ГЕНДЕРНОЙ ПОЛЕМИКИ

Ардашникова Анна Наумовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иранской филологии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: anardash@mail.ru

Scopus Author ID: 57216257962; Researcher ID: HCI-4163-2022

Коняшкина Тамара Александровна — старший преподаватель кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: tamara_mgu@mail.ru

Scopus Author ID: 57216259645; Researcher ID: HCI-9578-2022

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению основных этапов и социальных характеристик женского движения в Исламской Республике Иран (ИРИ), вызвавшего активную полемику между властью и обществом, не затихающую в течение последних 30 лет. Источником полемических разногласий стала фиксация в Конституции ИРИ статуса женщины в общеправовом и семейном поле. Первыми в полемику включились правозащитницы, имевшие весомые религиозные позиции и общественное положение и настаивавшие на праве мусульманки быть представленной в высших эшелонах государственной власти. На рубеже 1990–2000-х годов эта инициатива была подхвачена светскими поборниками женских прав, делавшими ставку на общегражданские и индивидуальные права иранских женщин. И те и другие опирались в своей борьбе на специализированную, ориентированную на женского читателя прессу. С начала 2000-х годов их оружием стали интернет и социальные сети, а также некоммерческие или неправительственные организации (НКО/НПО), существующие в разных регионах страны. Действуя в одном русле борьбы за расширение женских прав, светские и религиозные активистки представляют собой автономные сегменты гражданского общества и не склонны к прочному сотрудничеству. Их активность является действенным импульсом к постепенному изменению контуров «разделенных сфер» в Иране. Содержание печатных и электронных СМИ, телевизионных программ и литературных произведений, впервые привлекаемых в качестве источника, служит весомым основанием проведенного исследования.

Ключевые слова: Иран, аятолла Хомейни, аятолла Мутаххари, Али Шариати, гендер, хиджаб, женское движение, Конституция, женская проза, пресса, ислам, гражданские права, правозащитное движение, неправительственные организации, социальные сети.

A.N. Ardashnikova, T.A. Konyashkina

“Becoming Visible”: Civil Society of Modern Iran in the Focus of Gender Discussion

Anna Ardashnikova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: anardash@mail.ru

Scopus Author ID: 57216257962; Researcher ID: HCI-4163-2022

Tamara Konyashkina, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: tamara_mgu@mail.ru

Scopus Author ID: 57216259645; Researcher ID: HCI-9578-2022

Abstract. In this study the authors examine the main stages and social characteristics of the women's rights movement in republican Iran, which has generated an active controversy between the authorities and the society over the last three decades. This polemic disagreement was triggered by the legal status of the Iranian woman enshrined in the Constitution. Human rights activists with significant religious and social status, insisting on the right of Muslim women to be represented in the highest echelons of state power, were the first to join the debate. At the turn of the 1990s and 2000s, this initiative was taken up by secular activists advocating civil and individual rights for Iranian women. All have made extensive use of a specialised, women-oriented press and, since the early 2000s, the Internet and social media, as well as NPOs/NGOs existing in different regions of the country, in their struggle. Acting along the same lines of the women's rights movement, secular and religious activists represent autonomous segments of civil society. The content of the print and electronic media, television programmes and literary works, used for the first time as a source for the study, forms the basis of the research.

Keywords: Iran, Ayatollah Khomeini, Ayatollah Mutahhari, Ali Shariati, gender, hijab, women's rights movement, Constitution, women's prose, press, Islam, civil rights, human rights movement, NGOs, social media.

«НУЛЕВОЙ ГОД» ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ ИРИ

Современное состояние гендерной полемики в Исламской Республике Иран (ИРИ) — одно из наследий революции 1978—1979 гг., которая определила вектор развития страны в его новом концептуальном выражении. Впрочем, вопрос о характере революционного взрыва доныне сохраняет дискуссионный характер, фиксируя точки зрения как историков Исламской Республики Иран, так и их иранских коллег из научных центров США и Европы¹. Именно последние, объявив войну «исламски правильной науке» последних десятилетий, предложили свое прочтение этого узлового сюжета иранской истории XX в. Это в первую очередь коснулось исламского характера революции, который отрицается как искусственно встроенный в ткань революционных событий усилиями шиитского духовенства². Полемические потери подобного подхода представляются весьма значительными, так как, в сущности, затушевывают характер этого революционного сдвига, последствия которого ощущаются и в настоящее время, почти полвека спустя.

Следуя долгу духовного служения, улама³ Ирана всегда выступали в качестве наставников мусульман-шиитов, чье слово было весомо и в личной, и в общественной жизни. Как и во время конституционной революции начала XX в., в 1970-х годах самую горячую поддержку алискому корпусу во главе с аятоллой Р. Хомейни продемонстрировали мелкие и средние городские слои, традиционно именуемые в Иране базаром, — ремесленники, торговцы, мелкие предприниматели, ростовщики, представители маргинальных слоев, не желающие в силу разных причин ассоциироваться с лицами наемного труда. Их самопожертвование и внешняя революционность в борьбе за установление подлинно исламского правления подпитывались антиимпериалистическими чувствами и националистической гордостью по случаю принадлежности к единственному чисто шиитскому государству⁴. Но реальную власть они получили только в низовых исламских комитетах и быстро были поставлены под контроль государства.

Иначе исламский путь виделся представителям либерально-буржуазного лагеря, таким как Мехди Базарган (первый премьер-министр ИРИ с 4 февраля по 6 ноября 1979 г.) и Абольхасан

¹ Iran in the 20 century. Historiography and Political Culture / ed. T. Atabaki. New York, 2009.

² Keddie N.R. Roots of Revolution. An Interpretive History of Modern Iran. New York, 1981. P. 147.

³ Улемы, 'улама (ед.ч. 'алим) — (араб.) «знающие», авторитетные знатоки исламской теории и практики, хранители исламской религиозной традиции, теологи.

⁴ Abrahamian E. Iran between Two Revolutions. Princeton, 1982. P. 251.

Банисадр (первый президент ИРИ с 4 февраля 1980 по 21 июня 1981 г.). Оба главы ИРИ тесно сотрудничали с виднейшими религиозными деятелями аятоллами Р. Хомейни и М. Талегани, не отрицая при этом преимущества западных буржуазных принципов. Открытые и влиятельные сторонники буржуазно-либерального развития страны были в начале революции представлены практически во всех религиозных структурах, включая окружение самого Хомейни. Дальнейшей институализации по этому пути ожидала и часть предпринимательских кругов, иранской интеллигенции, бюрократии и армии, для которых провозглашение в стране исламской республики было главным образом данью огромному вкладу шиитского духовенства в борьбу против шахского авторитаризма.

Вызванные к жизни революцией, эти вопросы по-прежнему остаются в повестке дня как действий правительства, так и гражданского общества, фиксируя незавершенность диалога—спора между властью и обществом, в котором особую роль приобрел вопрос установления/наличия границ, разделяющих мужскую и женскую сферы деятельности. Значение его очевидно — вездесущность гендера превращает его в базовую системную характеристику социального порядка, постоянно воспроизводимую и в нашем сознании, и в практических действиях⁵. Это во многом определяет внимание к этому вопросу со стороны государства.

Первые шаги по кардинальному пересмотру вопроса положения женщины в обществе были предприняты еще до референдума о создании исламской республики, не говоря уже о новой Конституции. Через две недели после победы вооруженного восстания в столице было объявлено о приостановке действия Закона о защите семьи 1975 г., затем последовал запрет на судебную деятельность женщин, а 6 марта 1979 г. аятолла Хомейни заявил, что женщины должны будут соблюдать требования хиджаба на рабочих местах. Буквально в течение нескольких месяцев форсированная исламизация лишила женщин части базовых прав, предоставленных им при правлении шаха Пехлеви, заставляя думать, что в строительстве нового исламского Ирана женщины должны были занять роль в большей степени символическую. Акты сопротивления со стороны женщин, такие как массовые протестные демонстрации во главе со светскими левыми и лево-демократическими группами 8–12 марта 1979 г. в Тегеране, собравшие около 50 тыс. манифестанток, были немедленно разогнаны, а их участницы названы «продажными женщинами, стремящимися разрушить единство революционных сил»⁶. В ответ на демонстрации М. Базарган заявил, что высказывание Хомейни является рекомендацией, и у властей нет планов делать ношение хиджаба обязательным, но уже в 1980 г. режим законодательно обязал женщин соблюдать правила мусульманского одевания сначала на работе, а затем и во всех общественных местах под угрозой штрафов, физического наказания или ареста. Первая кампания женского неповиновения была легко пресечена. Ярлык контрреволюционности на десятилетие вперед лишил ее участниц возможности объединить свои усилия с исламскими активистками и стал весомым аргументом в пользу конформизма — приспособление безопаснее и социально одобряемо. Угрозу обвинений в нелояльности режиму в полной мере испытала университетская профессура. Преподаватель филологического факультета Тегеранского университета Азар Нафиси в романе «Читая “Лолиту” в Тегеране» вспоминает о революционных чистках, устроенных в университетах властью, заставившей в том числе убирать из курса истории литературы «потворствующие прелюбодеянию» романы Шарлотты Бронте и слово «вино» в рассказах Хемингуэя⁷.

В КРУГОВОРОТЕ «РАЗДЕЛЕННЫХ СФЕР»

Символом 1979 г. стал хиджаб, сегрегационный дресс-код, умаляющий индивидуальные права женщины. Это было воспринято частью общества как возвращение к принципу «разделенных сфер», лишь затушеванное демагогическими заявлениями о важности политической

⁵ Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социальное конструирование гендера // Социологический журнал. 1998. № 3/4. С. 113–114.

⁶ Paidar P. Women and the Political Process in Twentieth Century. Cambridge, 1997. P. 234.

⁷ Nafisi A. Reading Lolita in Tehran. New York, 2003. P. 7.

активности женщин, и воскрешение парде-нешин — «сидящей за завесой» — средневекового культурного идеала женской скромности, закрытости и невидимости в публичном пространстве. Впрочем, «завеса» не означала полного отсутствия, отрешения женщины от публичной деятельности. Напротив, лишённые официальных полномочий на право участия во властных отношениях, ее «пленницы» могли обладать дополнительными каналами влияния, имевшими неформальный характер⁸. Исчерпывающее представление об уровне таких возможностей дает шахский гарем. Закрытый и иерархичный монополовый коллектив, он являлся не только домашним установлением правителя, но и влиятельным общественным институтом, выполнявшим при нем роль своеобразной информационной службы, куда с раннего утра стекались все городские новости, слухи и сплетни. Умело используя этот арсенал средств, обитательницам андаруна (женская половина дома) удавалось обрушить не одну государственную карьеру и заявлять о своих интересах в делах «высокой политики». Властная и честолюбивая шахиня-мать, именовавшаяся «Высокая колыбель», которая верховодила в гареме Насер ад-Дин-шаха (1848—1896), смогла бросить вызов первому министру Амир-е Кабиру и, опираясь на часть двора и влиятельных шиитских богословов, выйти победительницей из этой схватки: всемогущий сановник был выслан из столицы и вскоре казнен.

Сети женского влияния существовали в разных социальных средах — своих негласных законодательниц, формирующих общественное мнение, устраивающих брачные союзы, оказывающих влияние через систему родственных связей, можно найти и в городском квартале, и в сельском сообществе. Существуют они и сейчас. Современный графический роман известной писательницы и художницы Марджан Сатрапи «Вышивки»⁹ дает обильную почву для выводов скорее социологу, чем литературному критику: тесный женский кружок, собравшийся за чаем, начав с сентенции — мужа нужно уважать, последовательно развенчивает этот коллективный постулат. В сущности, это и есть изнанка семейного мира, где принудительно доминирует мужчина.

В ситуации политической неопределенности начала 1979 г. и резкого отторжения обществом любых шагов шахской власти нельзя было исключать, что вместе с прежним режимом будут похоронены все его достижения, в частности в гендерной сфере — обретение женщинами права политического голоса в соответствии с референдумом 1962 г. и Законом о семье 1975 г., заметно расширившим женские права, в том числе и имущественные, в семейно-брачных отношениях. Достаточно обратиться к текстам, принадлежащим перу самого Хомейни, чтобы не исключать вероятности такого исхода. Его писания, представляющие собой обширное поле для «войны цитат», до сих пор питают доводы и сторонников, и противников освобождения женщины от гнета семьи и государства. Хотя личный вклад Хомейни в формирование нового гендерного стандарта носил исключительный характер, рахбар¹⁰ имел своих предшественников и соратников. Одним из ключевых разработчиков гендерной проблематики был влиятельный богослов Муртаза Мутаххари, предложивший в качестве гендерного различия принцип «равные», но «разные», что является отражением заложенного в мужчинах и женщинах божественного порядка¹¹. Это означало, что разумное взаимодополнение, соблюдение внешней границы открывает женщине возможность существования в общественной сфере, хотя она и является территорией мужчины.

Заметную роль в становлении идеологии республиканского режима сыграли идеи видного исламского философа и социолога А. Шариати¹², отрицавшего традиционное представление о «женщине вне политики», как противоречащее истинному исламу: «Наша нация создала

⁸ См.: Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории: новая картина европейского прошлого. М., 2002.

⁹ Сатрапи М. Вышивки (графический роман). СПб., 2020.

¹⁰ Рахбар (перс.) — вождь, лидер — официальный конституционный статус Р. Хомейни.

¹¹ Мутаххари М. Правовой статус женщины в исламе / пер. с перс., примеч. М. Махшулова. СПб., 2010. С. 4.

¹² Подробнее о нем см.: Малушков В.Г., Хромова К.А. Поиски путей реформации в исламе: опыт Ирана. М., 1991.

культуру вокруг ворот и крыши дома Фатимы»¹³, где преобладали не скорбь и мученичество, а активный революционный дух, носителем которого была сама дочь пророка и жена первого шиитского имама Али. Вслед за Шариати, обращавшимся прежде всего к мостафизинам (обездоленным, отверженным), униженным высокомерием Запада, Хомейни включил в их число «наших скромных сестер», на которых была возложена божественная миссия хранительниц революции. Пафос его заявлений был воспринят в первую очередь представительницами традиционных религиозных семей. Их общественные позиции ранее не предполагали устойчивой вовлеченности в социальную жизнь модернизированного общества, а практическое отсутствие новой правовой культуры в этой среде превращало шахское семейное законодательство в «мертвую грамоту». Идеология исламского режима способствовала повышению уровня самооценки именно этой категории женского населения. Ранее несший на себе печать отсталости, их образ теперь официально признавался как эталонный, получив официальный статус. Если часть женских прав нашла отражение в гражданском и трудовом кодексах, то возможности, которые открывала перед женщинами политическая активность, могли не иметь прочного законодательного подтверждения. А они были весьма весомы и долговременны — получение высшего образования в условиях его квотирования, работа в престижном государственном секторе и, что не менее важно, — ее сохранение в условиях роста безработицы и т.д.

Черту под опасениями возможного возвращения к принципу «разделенных сфер», который в исламе ассоциируется с довольно жесткими границами между мужской и женской областями деятельности, подвела Конституция 1979 г.¹⁴ Фиксируя статус женщины как полноправного гражданина, текст Основного закона уточнял, что она обретает свои политические и социальные права как мать и воспитательница детей в религиозном духе в рамках соблюдения исламских норм (статьи 3 и 21 Конституции ИРИ). Балансирование между прагматическими соображениями политики и идеологическими требованиями революции, в том числе и в гендерном вопросе, во многом позволило религиозным авторитетам сохранять если не доминирование, то значительную степень влияния на общественные настроения и впоследствии. Плюрализм мнений всегда был отличительной стороной шиизма, именно на этом принципе и основывался личный авторитет представителей алиимского корпуса. И не все влиятельные богословы безусловно поддержали не только саму идею «правления законоведа» (велият-е факих¹⁵), положенную в основание Конституции, но и двусмысленные ссылки на исламские критерии при определении пределов общественной свободы, экономической политики режима и индивидуальных гражданских прав. Многозначность толкований шариата¹⁶, предложенная самим рахбаром, послужила основанием также для вовлечения общества в обсуждение правовых норм и установлений, до этого звучавших как априорные.

Переналадка после окончания ирано-иракской войны всех государственных механизмов от экономики до культуры проходила весьма болезненно. Не избежала этого и гендерная политика.

«МЫ ПРИВЫКАЕМ»

Этим риторическим вопросом одна из самых популярных иранских писательниц Зоя Пирзад озаглавила свой роман, посвященный теме женской судьбы¹⁷, подчеркнув тем самым, что общество не однозначно в принятии исламского статуса-кво.

Дискурсивное господство исламской власти в культурном пространстве страны должна была закрепить пресса, пропагандирующая образ «новой мусульманки». Уже в 1979–1980 гг. усилиями государства начинается создание официальной печати, ориентированной на

¹³ Шариати А. Зан: Фатеме Фатеме аст (Женщина: Фатима — это Фатима). Тегеран, 2000. С. 23. (На перс. яз.)

¹⁴ Конституция Исламской Республики Иран // Конституции государств Азии / под ред. Т.Я. Хабриевой. Т. 1. М., 2010. С. 234–274.

¹⁵ Беспрецедентные права религиозного лидера в делах управления государством.

¹⁶ Шариат — свод правил, всесторонне регламентирующих жизнь мусульманина.

¹⁷ Пирзад З. Адат миконим (Мы привыкаем). Тегеран, 2004. (На перс. яз.)

женскую аудиторию: это в первую очередь журналы «Неда» («Призыв»), «Пайам-е зан» («Послание женщины»), «Зан-е руз» («Женщина сегодня»), «Пайам-е Хаджар» («Послание Агари»), «Дженс-е доввом» («Второй пол»). Крупнейшим из них стал «Женщина сегодня», которому были переданы материальные ресурсы ведущей медиагруппы имперского периода «Кейхан». Конечно, эти журналы были призваны транслировать и поддерживать государственную линию, но откровенным официозом можно назвать лишь «Призыв», руководимый Захрой Эшраки, внучкой аятоллы Хомейни.

Важным шагом не только в развитии издательского дела, но и в противостоянии прямолинейному государственному прочтению гендерного дискурса стало создание в 1991 г. журнала «Занан» («Женщины»), который отделился из-за редакционных разногласий от подконтрольного государству «Женщина сегодня».

В течение 17 лет журнал оставался самым широко читаемым женским изданием, ориентированным на образованных горожанок, и только к 2008 г. его тираж, долго державший планку 120 тыс. экземпляров, стал падать. Заметим, что такой большой тираж журнала, ориентированного на серьезную читательскую аудиторию, скорее всего, был связан с государственной поддержкой, тем более что членом редакционной коллегии журнала была дочь тогдашнего президента страны Али Акбара Хахеми Рафсанджани (1989–1997).

Журнал во главе со своим бессменным руководителем Шахлой Шаркат запустил практически одновременно два параллельных проекта. Они имели целью развитие женского самосознания и общественной активности и адресовались представительницам как религиозного, так и светского крыла женского движения.

Восприняв от рахбара идею ислама как руководства к политическому действию, журнал подчинил ее принципу контекстуального разбора, что было посягательством на чисто мужскую сферу деятельности — интеллектуально-богословскую¹⁸. Подобными принципами руководствовались и европейские женщины Средневековья и раннего Нового времени, когда, обращаясь к текстам Библии, пытались опровергнуть утверждение о греховности их праматери Евы, доставшейся им по наследству¹⁹. Главный эффект этих богословских штудий заключался в том, что вместе с несколькими шиитскими улемами их вели сами женщины и делали это на страницах популярного женского журнала. Впрочем, это неудивительно, так как с начала 1990-х годов стало набирать популярность женское религиозное образование: в стране действовало около 300 школ и центров, которые готовили женщин-богословов и муджтахидов²⁰, правда, без права выносить решения по делам всей шиитской общины — уммы. Гендерно-нейтральная интерпретация исламских текстов по системе ссылок на косвенные доводы, предложенная журналом, могла касаться самых разных вопросов: опеки над детьми, подчинения мужчине в семье или спровоцированной парламентскими прениями проблемы о раздельном медицинском обслуживании мужчин и женщин. Самым продуктивным результатом подобного прочтения шариата стала дискуссия о толковании конституционного термина «риджал» (мн.ч. от «раджол» — мужчина, деятель), который, по мнению исламских активисток, может с полным основанием относиться к дочерям «дома Фатимы» (персидский язык не знает категории рода), обладающим всеми нравственными качествами «достойного мужа», в том числе интеллектуальными. Это стало импульсом для включения женщин в борьбу за должность президента или право назначения на пост министра, ставших массовыми. Министерство внутренних дел, с которого начинался процесс подачи документов

¹⁸ Занан. 1991. № 1.

¹⁹ Репина Л.П. Указ. соч. С. 89–90.

²⁰ Муджтахид — ученый-богослов, обладающий правом выносить самостоятельное решение по важным вопросам мусульманского права и норм социального поведения, высший духовный авторитет.

кандидатов, особенно в период президентских выборов, было завалено десятками подобных заявлений²¹.

Вызвав искренний энтузиазм женщин, это движение зашло в тупик, превратившись в рутину. Так, Азам Талегани, известная правозащитница, дочь влиятельного муджтахиды Махмуда Талегани, пять раз проходила процедуру регистрации, но каждый раз ее останавливал отказ Совета стражей Конституции из-за якобы отсутствия у нее, как, впрочем, и у других кандидатов, необходимой квалификации — решение, которое не комментируется и не оспаривается²². Талегани не раз говорила, что готова умереть на ступенях министерства, и последний раз поднималась по ним в возрасте далеко за 70. Подобная кажущаяся безнадежной настойчивость имеет прочное религиозное обоснование, поскольку преодоление трудностей при совершении благого дела лишь преумножает духовный смысл поступка. Охлаждению общественного энтузиазма способствовала и цикличность в политической жизни Ирана, достигавшая своего пика раз в четыре года во время президентских выборов, за которыми следовало затишье.

Эти усилия в определенной степени обесценил пропагандистский ход неоконсерватора Ахмадинежада, который во время второго срока президентства (2009–2013) представил парламенту кандидатуры сразу трех женщин в качестве потенциальных министров образования, здравоохранения и социального обеспечения, но сумел отстоять только одну кандидатуру, заранее согласованную с консервативной религиозной организацией «Джамеэ-йе Зейнаб» («Общество Зейнаб»).

1990-е годы стали периодом постепенного дрейфа в сторону реформирования многих религиозных женских организаций. Характерным образцом такой эволюции может служить и «Общество Зейнаб», члены которого в первые постреволюционные годы были известны как добровольные блюстительницы женской уличной нравственности. К 1990-м годам оно превратилось во влиятельную структуру, курировавшую восемь религиозных школ и центров по изучению Корана, а в 2007 г. поставило перед собой весьма амбициозную задачу ввести шесть женщин-муджтахидов в Совет стражей революции, который обладает правом смещать рахбара и контролировать его деятельность²³.

Эта, в сущности, суфражистская активность не означала, что иранские женщины идентифицируют себя как приверженки международного феминистского движения. Такие столпы правозащитного дела в Иране, как Ширин Эбади, юрист по образованию, лауреат Нобелевской премии мира 2003 г., основавшая в 2002 г. «Центр защиты прав человека в Иране» для оказания юридической помощи семьям политических диссидентов, и Азам Талегани говорили о себе исключительно как о мусульманках, противопоставляя свою позицию феминистской.

Журнал «Женщины» первым нарушил это табу публикациями небольших, часто просто биографических эссе из истории европейского феминизма, постепенно лишая его угрожающей и даже враждебной коннотации. Частью процесса либерализации, связанной с президентством М. Хагами (1997–2005), стало и «прощение эмиграции», не разделившей вместе со своим народом тягот священной патриотической войны²⁴, и налаживание отношений с постепенно обретавшими свой голос светскими активистами. Это сближение было продиктовано самой жизнью — появлением и быстрым развитием в Иране интернета, особенно блогов и социальных сетей как новой формы общественного взаимодействия, в котором приняла участие и власть: свои сайты имели все официальные структуры, включая рахбара, многих членов депутатского корпуса, Кумский и прочие религиозные центры,

²¹ Vakil S. *Women and Politics in the Islamic Republic of Iran: Action and Reaction*. London; New York, 2011. P. 128.

²² Sedghi H. *Women and Politics in Iran. Veiling, Unveiling, and Reveiling*. New York, 2007. P. 265.

²³ Kadivar J. *Women and Executive Power // Women, Power and Politics in 21st Century Iran*. London, 2012. P. 147.

²⁴ Имеется в виду ирано-иракская война 1980–1988 гг.

КСИР²⁵, проправительственные и неправительственные общественные организации. Государство пыталось регулировать интернет-активность граждан, ограничивая доступ к некоторым сайтам, и под ударом зачастую оказывались любые страницы с гендерной тематикой, так как поисковые запросы со словом «женщина» могли быть автоматически заблокированы как порнографические. Так, в 2006 г. по этой причине был заблокирован онлайн-семинар «Женщины и интернет в 3 тысячелетии», анонсированный одним из департаментов КСИР²⁶. Ответом на подобные ограничения стало более частое использование прокси-инструментов, позволявших обходить эти запреты, и созданная в 2004 г. сеть Фейсбук к 2007 г. уже имела 21 млн зарегистрированных пользователей из Ирана²⁷.

В 2011 г. на основе данных Фейсбука и отдельных блогов, пользователи которых заявили себя политически активными, было проведено исследование, в нем приняли участие иранки, живущие как в Иране, так и за пределами страны. Результаты этого трехмесячного эксперимента продемонстрировали, что молодые женщины не принимают образа матери и женщины-басидж²⁸ как государственной версии иранки, приверженной ценностям революции, и выступают против ранних браков. Они ставят под сомнение традиционную иерархию мнений в иранской семье, не учитывающую позицию молодого поколения, и восхищаются американской поп-культурой, что не мешает им позиционировать себя мусульманками²⁹.

Своеобразным протестом против требования официальных властей в отношении внешнего вида женщин стала практика появления в общественных местах иранок, пренебрегающих строгой уличной униформой. По сообщению официальной газеты «Эттелаат» («Известия»), в 1990 г. только в Тегеране по причине несоблюдения дресс-кода (на языке официоза бадхиджаби — в небрежном хиджабе) были арестованы 607 женщин, 6589 обязали дать письменные объяснения, а для 46 тыс. полиция ограничилась только предупреждениями³⁰. Сами молодые нарушительницы иначе оценивали свой вызов навязанным условностям. Вслед за выходом романа Азаде Моавени «Джихад губной помады»³¹ в 2000-е годы в Иране в моду вошел молодежный мем *lipstick jihad*. Двойственный смысл, заложенный в эту конструкцию, вполне очевиден: объединяя вызывающий образ «кокеток с накрашенными губами», которых обличал в публичных выступлениях имам Хомейни, и «джихад», звучащий из этих уст почти богохульно, он знаменует собой отрицание простоты конфронтационного мышления.

Покинувшая Иран в 2009 г. со второй волной эмиграции журналистка Масих Алинежад в 2014 г. открыла в Фейсбуке страницу *My Stealthy Freedom* («Моя тайная свобода»), где призывала иранок публиковать свои фотографии с непокрытой головой. Спустя неделю у нее было 130 тыс. подписчиков, а в настоящее время их число превысило миллион. Алинежад также принадлежит идея еще одной протестной интернет-кампании *White Wednesdays* («Белые среды»), отличительным знаком которой был белый цвет одежды. Солидаризуясь с протестами в Иране, кампанию поддержала и диаспора в США и Канаде.

Начавшись со страницы в социальной сети, «Моя тайная свобода» выросла до некоммерческой организации, выступающей за гендерное равенство, с сайтом на английском и

²⁵ КСИР — Корпус стражей исламской революции, военно-политическое формирование, созданное в 1979 г.

²⁶ *Hendelman-Baavur L. Promises and Perils of Weblogistan: Online Personal Journals and the Islamic Republic of Iran // Middle East Review of International Affairs. 2007. Vol. 11. P. 227.*

²⁷ *Faris D., Rahimi B. Social Media in Iran: Politics and Society after 2009. New York, 2015. P. 42.*

²⁸ «Организация обездоленных иранского народа» — массовая военизированная структура, являющаяся частью КСИР, большую роль в которой играют женщины.

²⁹ *Faris D., Rahimi B. Op. cit. P. 47–49.*

³⁰ Эттелаат. 15 абан 1369 (ноябрь 1990).

³¹ *Moaveni A. Lipstick Jihad: A Memoir of Growing Up Iranian in America and American in Iran. New York, 2005.*

персидском языках³². Впрочем, количество женских некоммерческих организаций (НКО) невелико. По данным Международного центра Вудро Вильсона, из громадного числа подобных организаций, существующих в Иране, лишь 2,8%, как, например, базирующаяся в Германии «Ассоциация иранских женщин»³³, занимаются исключительно гендерными вопросами. Однако многие правозащитные структуры, такие как «Центр поддержки прав человека» (The Centre for Supporters of Human Rights)³⁴, занимаются и женским вопросом.

2005–2006 гг. знаменовали выход женского движения за пределы виртуального пространства самыми массовыми по размаху за весь период так называемой второй республики³⁵ уличными протестными акциями³⁶, разогнанными с применением насилия. Хотя в лозунгах манифестанток звучал исключительно «женский вопрос», их поддерживали, помимо этнических женских организаций, профсоюзы, часть студенческих активистов и парламентской оппозиции. Требования протестующих охватывали широкий спектр позиций, в которых права женщин уступали мужским, в частности равенство в семейно-брачных отношениях (запрет многоженства, равные с мужчинами права на развод и опеку над детьми), в трудовой (равное право на труд) и судебно-процессуальной сфере (увеличение для девочек возраста наступления уголовной ответственности с 9 до 18 лет, равные права свидетелей в суде независимо от пола).

Разгон мирных демонстраций, сопровождавшийся избиениями и арестами, подтолкнул женское движение к новым формам протеста — подписным кампаниям, самой значительной из которых стало движение «Один миллион подписей за изменение дискриминационных законов»³⁷ с логотипом, исчерпывающе объясняющим смысл требований — равенство мужчин и женщин: две чаши весов, уравновешенные X- и Y-хромосомами. Сбор подписей стал низовым движением, ориентированным на индивидуальную работу с каждым потенциальным участником, вплоть до обхода их домов, с целью убедить таким образом каждого 70-го жителя страны поддержать эту инициативу. Отметим еще одно обстоятельство: это движение впервые поставило вопрос об объединении усилий светских и религиозных поборниц женских прав.

Свое отношение к борьбе за женское равноправие заявило и государство, дав этому не только нравственную, но и политическую оценку. Власти видели в ней поспрание мусульманских семейных норм и «империалистический заговор с целью подрыва исламских ценностей в обществе»³⁸. Эти обвинения в первую очередь касались иранской диаспоры (самая большая часть которой проживает в США), трансмигрантов, живущих на «два дома», и основного звена их агентов — светских активисток. Не принимая оценочной риторики государства, можно тем не менее утверждать, что «ответственность» за пробуждение женского самосознания они в полной мере разделяют со своими религиозными сестрами. Спектр их активности достаточно широк: личное участие в протестных акциях, интернет, журналистика и переживающая в последнее время настоящий писательский бум художественная литература.

Если в насыщенные политическими событиями 1931–1960 гг. лишь 8 иранок опубликовали свои прозаические произведения, тогда как авторов-мужчин в то время

³² URL: <https://www.mystealthyfreedom.org/mission/> (дата обращения: 15.05.2022).

³³ URL: <http://shabakeh.de> (дата обращения: 15.05.2022).

³⁴ URL: <https://en.cshr.org.uk/about-us-2/> (дата обращения: 15.05.2022).

³⁵ Вторая республика — неофициальное название периода истории ИРИ с конца 1980-х годов — после окончания ирано-иракской войны и смерти первого рахбара Р. Хомейни.

³⁶ В манифестации 2006 г. приняли участие 6 тыс. женщин.

³⁷ *Ахмади Хорасани Н.* Взгляд изнутри. Переводная серия «Партнерства женщин во имя обучения». [S.l., s.a.].

³⁸ Государственный 2 канал в ноябре 2009 г. запустил 74-минутную программу под названием «Феминизм и война против семьи», подчеркивая опасность проникновения феминистской идеологии в общество // URL: http://www.shiatv.net/view_video.php?viewkey=d8f393da9c34d4883524 (дата обращения: 25.05.2022).

насчитывалось 270³⁹, то в конце 1990-х годов в Иране появилось более 300 женщин-писателей, уравнивая количество женщин и мужчин, живущих литературным трудом⁴⁰. Официальная статистика 2017 г. со ссылкой на данные Печатной палаты ИРИ оперирует еще более грандиозной цифрой 28 239⁴¹, по-видимому, объединяя писательниц, журналисток и блогеров. Хотя количественный показатель, как правило, нерелевантен при оценке художественного творчества, но литературный «девятый вал», где женщина говорит о женщине, приобретает отчетливое общественное звучание. Столь массовое присутствие женщин в художественной словесности имеет несколько убедительных объяснений: это и произошедший после революции демографический взрыв, удвоивший население страны, и огромный скачок в уровне женской грамотности⁴², что является несомненной заслугой исламской власти, объявившей стремление к образованию священной обязанностью истинной мусульманки. Такой же феноменальный рост можно наблюдать и в числе женщин, работающих в издательской сфере в качестве литературных переводчиков, редакторов, продюсеров и владельцев небольших издательских домов, что существенно расширяет женское участие в трудовой деятельности. Но, возможно, главную роль сыграла стопроцентная читательская востребованность и понимание авторами своего адресата. Исследователям же знакомство с женской прозой может помочь составить более точное представление о той части женского общества, которая «молча» присутствует в публичном пространстве, и попытаться найти ответ на вопрос, в свое время заданный известным философом Юргеном Хабермасом после поездки в Иран в 2002 г.: «Стоит обратить больше внимания на то, что происходит в голове у молодых женщин, особенно с академическим образованием. Женщины уже составляют половину студентов. Сколько из них снимут свои платки на публике, если это будет разрешено?»⁴³.

Обращаясь к женской литературе, необходимо иметь в виду, что эта художественная фикция, в данном случае выступающая от лица «женщины в фартуке», имеет свое статистическое измерение, представляя более 80% не занятого в сфере труда женского населения страны⁴⁴. Это домашняя хозяйка, мать семейства, которую не заманишь на митинг, она отсутствует в соцсетях и поднимает свой голос разве что в магазине и транспорте, путешествуя по домашним делам. Собственно, этот консервативный женский мир и есть коллективный портрет основного потребителя женской прозы, которому она адресована.

Такой жизненный опыт могут отрицать мелькающая на страницах произведений инфантильная женщина-ребенок, которая не узнает себя на старых фотографиях, как будто ее «жизнь началась в первый день замужества»⁴⁵, и женщины-изгой: выведенная в романе Шахруш Парсипур «Женщины без мужчин»⁴⁶ компания — три старые девы, проститутка и мужеубийца, случайно ставшая причиной смерти третировавшего ее супруга. По следам своей далекой христианской предшественницы Кристины Пизанской (XV в.) они мечтают о созидании своего «града женского», коль им нет места в реальном мире правильных женщин. Присутствие субалтерн-героинь лишь подчеркивает доминирование в обществе женщины-домохозяйки, не мыслящей своей судьбы вне семьи. Но именно

³⁹ Mir-Abidini H. The History of Female Storywriters // Iran Chamber Society Online Magazine. URL: https://www.iranchamber.com/literature/articles/history_female_storywriters.php (дата обращения: 06.04.2022).

⁴⁰ Зан-е пуз. № 1467, 1994; Talattof K. The Politics of Writing in Iran: a History of Modern Persian literature. Syracuse; New York, 2000. P. 139.

⁴¹ URL: <https://www.nasim.news/fa/tiny/news-2308235>; <http://www.nashreiran.ir/> (дата обращения: 12.05.2022).

⁴² По данным Института статистики ЮНЕСКО, около 85% нации грамотны, при этом женская грамотность возросла с 35,5% в 1978 г. до 80,8% в 2016 г. // URL: <http://uis.unesco.org/country/IR> (дата обращения: 12.05.2022).

⁴³ Цит. по: Alavi N. We are Iran. Washington, 2005. P. 13.

⁴⁴ Только 15% иранок официально зарегистрированы как работающие.

⁴⁵ Пирзад З. Месл-е хаме-йе асрха (Как и все вечера). Тегеран, 1991. С. 21. (На перс. яз.)

⁴⁶ Парсипур Ш. Женщины без мужчин / пер. с фарси Ю. Садыковой. [S.l.], 2020.

эти женщины выступают в роли хранительницы очага, передающей жизненный опыт, и гендерной модели, сложившейся в иранском традиционном обществе, представляя собой среднестатистический тип иранки.

* * *

Гендерная проблематика, обретшая особую остроту с установлением исламского государства, не покидает дискуссионное поле в течение всего периода существования ИРИ: она звучит в парламентских дебатах, во время уличных манифестаций, во всех средствах массовой информации, включая интернет. С 1980 по 1998 г. было принято свыше 35 законов, дополнений, уточнений и поправок, регулирующих семейно-брачные отношения. Такое активное правотворчество в принципе характерно для любых постреволюционных режимов, тем не менее подобное внимание к сфере семейно-брачных отношений является исключительным. Тем более что ни общество, ни государство не считают этот процесс завершенным. Единодушное в своем желании низложить авторитарного прозападного шаха общество не было готово к буквальному следованию нормам шариата, положенным в основу строительства нового государства. Ирано-иракская война, называемая в Иране «священной обороной», нивелировала эти настроения, сплотив иранцев перед лицом внешнего врага. Именно в это время были сформированы основы гендерной политики, базирующиеся на противоположных принципах, — признании особой роли женщины в поддержании молодого государства и утверждении ее зависимого положения в семье — противоречие, которое легко обходится в религиозной риторике, но не снимается. Первыми в общественном поле на это обратили внимание представительницы религиозного крыла гражданского общества, объединившиеся вокруг женских журналов и выступившие с идеей женского представительства во властных структурах как заповеданного исламским законом. Это во многом было естественно: начиная со средних веков, во всех обществах, основанных на религиозном мировоззрении, благочестие является надежным пропуском женщин в мир мужской деятельности. Находящийся на периферии общественной жизни женский светский сегмент начал постепенно обретать уверенность с 1990-х годов. Найдя надежную опору в лице части эмиграции и используя для достижения своих целей новые технологии, светские правозащитницы более уверенно себя чувствуют в так называемой низовой сфере — семейно-брачных отношениях. Хотя эти две силы ощущают себя разными сегментами гражданского общества и не склонны к прочному взаимодействию, их активность, направленная на расширение прав женщин, является действенным импульсом к постепенному изменению контуров «разделенных сфер» в ИРИ.

Библиография

- Ахмади Хорасани Н. Взгляд изнутри. Переводная серия «Партнерства женщин во имя обучения». [S.l., s.a.].
- Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социальное конструирование гендера // Социологический журнал. 1998. № 3/4. С. 171–182.
- Малушков В.Г., Хромова К.А. Поиски путей реформации в исламе: опыт Ирана. М., 1991.
- Мутаххари М. Правовой статус женщины в исламе / пер. с перс., примеч. М. Махшулова. СПб., 2010.
- Парситур Ш. Женщины без мужчин / пер. с фарси Ю. Садыковой. [S.l.], 2020.
- Пирзад З. Адат миконим (Мы привыкаем). Тегеран, 2004. (На перс. яз.)
- Пирзад З. Месл-е хаме-йе асрха (Как и все вечера). Тегеран, 1991. (На перс. яз.)
- Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории: новая картина европейского прошлого. М., 2002.
- Сатрани М. Вышивки (графический роман). СПб., 2020.
- Шаруати А. Зан: Фатеме Фатеме аст (Женщина: Фатима — это Фатима). Тегеран, 2000. (На перс. яз.)
- Abrahamian E. Iran between Two Revolutions. Princeton, 1982.
- Alavi N. We are Iran. Washington, 2005.
- Faris D., Rahimi B. Social Media in Iran: Politics and Society after 2009. New York, 2015.
- Hendelman-Baavur L. Promises and Perils of Weblogistan: Online Personal Journals and the Islamic Republic of Iran // Middle East Review of International Affairs. 2007. Vol. 11. № 2. P. 77–93.
- Honarbin-Holliday Mehri. Becoming Visible in Iran. London; New York, 2008.

- Iran in the 20 century. Historiography and Political Culture / ed. T. Atabaki. New York, 2009.
- Kadivar J. Women and Executive Power // Women, Power and Politics in 21st Century Iran. London, 2012. P. 121–136.
- Keddie N.R. Roots of Revolution. An Interpretive History of Modern Iran. New York, 1981.
- Mir-Abidini H. The History of Female Storywriters // Iran Chamber Society Online Magazine. URL: https://www.iranchamber.com/literature/articles/history_female_storywriters.php (дата обращения: 06.04.2022).
- Moaveni A. Lipstick Jihad: A Memoir of Growing Up Iranian in America and American in Iran. New York, 2005.
- Nafisi A. Reading Lolita in Tehran. New York, 2003.
- Paidar P. Women and the Political Process in Twentieth Century. Cambridge, 1997.
- Sedghi H. Women and Politics in Iran. Veiling, Unveiling, and Reveiling. New York, 2007.
- Talatof K. The Politics of Writing in Iran: a History of Modern Persian Literature. Syracuse; New York, 2000.
- Vakil S. Women and Politics in the Islamic Republic of Iran: Action and Reaction. London; New York, 2011.

References

- Ahmadi Horasani N. Vzglyad iznutri. Perevodnaya seriya Partnerstva zhenshchin vo imya obucheniya [A look from within. Translation Series of Women's Partnerships for Learning]. [S.l., s.a.]. (In Russ.)
- Malushkov V.G., Hromova K.A. Poiski putej reformacii v islame: opyt Irana [Searching for ways of reformation in Islam: the experience of Iran]. Moskva, 1991. (In Russ.)
- Mutahkhari M. Pravovoj status zhenshchiny v islame [The legal status of women in Islam] / per. s pers., primech. M. Mahshulova. Sankt-Peterburg, 2010. (In Russ.)
- Parsipur S. Zhenshchiny bez muzhchin [Women without men] / per. s farsi Yu. Sadykovej. [S.l.], 2020. (In Russ.)
- Repina L.P. Zhenshchiny i muzhchiny v istorii: novaya kartina evropejskogo proshlogo [Women and men in history: a new picture of the European past]. Moskva, 2002. (In Russ.)
- Satrapi M. Vyshivki (graficheskij roman) [Embroideries. Graphic novel]. Sankt-Peterburg, 2020. (In Russ.)
- Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. Social'noe konstruirovaniye gendera [Social construction of gender] // Sociologicheskij zhurnal [Sociological Journal]. 1998. № 3/4. S. 171–182. (In Russ.)
- Abrahamian E. Iran between Two Revolutions. Princeton, 1982.
- Alavi N. We are Iran. Washington, 2005.
- Faris D., Rahimi B. Social Media in Iran: Politics and Society after 2009. New York, 2015.
- Hendelman-Baavur L. Promises and Perils of Weblogistan: Online Personal Journals and the Islamic Republic of Iran // Middle East Review of International Affairs. 2007. Vol. 11. № 2. P. 77–93.
- Honarbin-Holliday Mehri. Becoming Visible in Iran. London; New York, 2008.
- Iran in the 20 century. Historiography and Political Culture / ed. T. Atabaki. New York, 2009.
- Kadivar J. Women and Executive Power // Women, Power and Politics in 21st Century Iran. London, 2012. P. 121–136.
- Keddie N.R. Roots of Revolution. An Interpretive History of Modern Iran. New York, 1981.
- Mir-Abidini. The History of Female Storywriters // Iran Chamber Society Online Magazine. URL: https://www.iranchamber.com/literature/articles/history_female_storywriters.php (access date: 06.04.2022).
- Moaveni Azadeh. Lipstick Jihad: A Memoir of Growing Up Iranian in America and American in Iran. New York, 2005.
- Nafisi A. Reading Lolita in Tehran. New York, 2003.
- Paidar P. Women and the Political Process in Twentieth Century. Cambridge, 1997.
- Pirzad Z. Adat mikonim [We are getting used]. Tekhran, 2004. (In Persian)
- Pirzad Z. Mesl-e hame-je asrha [As all the evenings]. Tekhran, 1991. (In Persian)
- Sedghi H. Women and Politics in Iran. Veiling, Unveiling, and Reveiling. New York, 2007.
- Shariati A. Zan: Fateme Fateme ast [Woman: Fatima is Fatima]. Tekhran, 2000. (In Persian)
- Talatof K. The Politics of Writing in Iran: a History of Modern Persian Literature. Syracuse; New York, 2000.
- Vakil S. Women and Politics in the Islamic Republic of Iran: Action and Reaction. London; New York, 2011.